

**АМБИВАЛЕНТНАЯ СУЩНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПОВЕСТИ
В. БЕЛОВА «ПЛОТНИЦКИЕ РАССКАЗЫ» И РОМАНЕ В. КОЗЬКО «ХРОНІКА
ДЗЕТДОМАЎСКАГА САДУ»**

©Е.В. Крикливец

Цель статьи – выявить способы художественной репрезентации национального характера в повести В. Белова «Плотницкие рассказы» и романе В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду». В работе использованы сравнительно-типологический и культурно-исторический методы. Компаративный ракурс исследования позволил определить национально-ментальные, эстетические и индивидуально-авторские особенности создания типологии героев в произведениях близкородственных литератур, сформировать представление о способах межкультурного диалога национальных литератур в советском и постсоветском культурном пространстве.

Ключевые слова: русская литература, белорусская литература, реализм, модернизм, типология героев, сравнительно-типологический анализ.

Развитие советской литературы в середине и второй половине XX века отождествляется с понятием социалистического реализма. Однако уже в первые послевоенные десятилетия в творчестве представителей военной и «деревенской» прозы намечается выход за границы соцреалистического метода и возвращение в русло классической реалистической парадигмы. Актуализируется проблема самоидентификации личности (в белорусской литературе она проявлена в коннотации национальной идентичности). В произведениях (преимущественно «деревенской прозы») появляются попытки постичь сущность национального (а не советского) характера, определить психологическую (а не идеологическую) детерминацию личности, заострить морально-этические вопросы. Повесть В. Белова «Плотницкие рассказы», впервые опубликованная в 1968 в журнале «Новый мир», воплощает названные тенденции в полном объёме. Образ героя-повествователя Константина Зорина имплицитно реализует типичный для «деревенской прозы» конфликт города и деревни. «Плотницкие рассказы» отличаются глубиной психологического анализа, которой автор добивается путём смены повествовательных дискурсов и приёмов внешней и внутренней фокализации. Роман белорусского прозаика В. Козько «Хроніка дзетдомаўскага саду», опубликованный в 1987 году, отражает тот же исторический период времени, что и «Плотницкие рассказы» В. Белова: 1930-е годы, события Великой Отечественной войны (ретроспективно) и послевоенное время. Однако художественная репрезентация национального характера в произведении имеет свою специфику, заключающуюся в обильном использовании мифологической цитации. Названная особенность в целом соотносится с параболическим вектором развития белорусской прозы последней трети XX века и обусловлена более поздним (по сравнению с «Плотницкими рассказами») временем создания романа, когда основные

семантические и морфологические трансформации происходили в контексте стилевой интеграции реализм–модернизм.

Отметим, что и В. Белову, и В. Козько удалось избежать намеренной идеализации деревенской жизни и деревенских жителей, поддерживающей миф о «деревенской Атлантиде». Национальный характер оба писателя воплощают объёмно, раскрывая его амбивалентную сущность. Внутренний морально-этический конфликт, охарактеризованный ещё Ф. Достоевским («Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»), решается путём создания образов героев, которые, на первый взгляд, являются антиподами: Олёша Смолин и Авенир Козонков – в повести В. Белова; Марьян Знавец и Сидор Мистюк – в романе В. Козько. Следует понимать, что оппозиция этих героев в контексте произведений не есть воплощение схематизированного соцреалистического конфликта хорошего и плохого. Это авторский способ экспликации духовно-нравственных противоречий личности, результата нравственного выбора (духовной эволюции или деградации). Также необходимо учитывать, что формирование героев В. Белова и В. Козько пришлось на самый сложный исторический период, в котором сами этические категории добра и зла представлялись весьма размытыми.

Согласно созданной русским и белорусским писателями антиномии, положительными героями в анализируемых произведениях выступают Олёша Смолин и Марьян Знавец. Однако и В. Белов, и В. Козько декларируют свое нежелание намеренно идеализировать героев: «Па правілах я павінен падымаць Мар’яна ў завоблачныя высі духу і сумлення. Але навошта і каму ён патрэбны такі звышдухоўны і звышсумненны» [1, с. 66]. Неоднозначные чувства вызывает и Олёша у героя-повествователя «Плотницких рассказов» (эпизод с молодым шофёром, который дразнит старика). Подобное отношение писателей к своим героям свидетельствует о понимании ими неполноты и однобокости «канонизации» народного характера, о стремлении отразить его во всей полноте и противоречивости.

При этом жизненный путь Олёши и Марьяна демонстрирует череду поступков людей, живущих по совести, в моменты нравственного выбора руководствующихся представлениями о любви и прощении. Так, любовные коллизии произведений приводят Олёшу Смолина к потере Татьяны, которую он побоялся оскорбить своей настойчивостью, а Марьяна – напротив, к скоропалительному браку со Стефой, которую опозорил бы отказ молодого человека от женитьбы. Показательно отношение обоих героев к труду. Где только ни приходилось работать Олёше: в колхозе, на лесозаготовке, строить дорогу по трудгужповинности – никогда герой не бежал работы, везде старался на совесть: «Всё время переходящий красный кисет за мной был. Красный кисет с табаком выдавали, кто хорошо работал» [2, с. 281]. Олёша не боится последствий халатности, не пытается выслужиться

перед начальством – его природная человеческая сущность обуславливает основательное отношение к делу. Вынужденное учительство Марьяна Знавца (демобилизован во время войны по ранению и приказом назначен директором детского дома в родной деревне в Полесье) постепенно становится для героя призванием. Марьян поначалу не готов к новой должности и к новой ответственности. Однако со временем происходит осознание своего предназначения профессиональной самоидентичности, своего рода предначертанности судьбы: «Усё сваё жыццё ён быў толькі настаўнікам, вясковым настаўнікам пры вясковай школе, будынку, у якім месціліся некалі пагранічнікі, потым дзетдомаўцы. У фундамент гэтай казармы, дзетдома, школы былі пакладзены бёрны яго бацькоўскай хаты» [1, с. 229].

С образами Олёши Смолина и Марьяна Знавца связана экзистенциальная проблематика произведений русского и белорусского прозаиков. О Боге, о категориях жизни и смерти задумывается и размышляет Олёша: «Ну ладно, это самое тело иструхнет в земле: земля родила, земля и обратно взяла. Ну а душа-то? Ум-то этот, ну, то есть который я-то сам и есть, это-то куда девается?» [2, с. 286]. Показательно, что подобного рода размышления писатели второй половины XX века (преимущественно – представители «деревенской» прозы) всё чаще вкладывают в уста «человека из народа», подчеркивая способность «маленького человека» задаваться такими вопросами и искать на них ответы. Марьян Знавец признается, что его душа очерствела на войне. Бывший фронтовик переживает глубокие внутренние метания, связанные с поиском самого себя, своего места в жизни, смысла своего существования: «І чаму, адкуль гэтае адчуванне бездапаможнасці, нікчэмнасці, чаму ад нараджэння да смерці – толькі бясконцае чаканне жыцця» [1, с. 181]. Своеобразный вектор духовно-нравственных поисков Марьяна намечен в фантазмагорической истории из далёкого детства героя. Угодив в болото, маленький Марьян ни за что не смог расстаться с яблоком, которое держал в руках и собирался надкусить. Это мешало ему ухватиться за палку, протянутую дедушкой (образ в романе мифологизирован, выступает героем-прародителем). Зажав яблоко в зубах, Марьян выбирается из трясины. Вкус съеденного яблока помнится герою всю жизнь (с тех пор он не ел яблоки), и лишь перед смертью ему до оскомины захотелось антоновки. Отметим, что яблоня для героев романа «Хроніка дзетдомаўскага саду» имеет тотемное значение. Во вставной новелле, повествующей о спасении Марьяна, яблоко приобретает символическую семантику плодородия, народных нравственных ценностей и духовности. Наделенный ими по факту рождения, герой осознает значимость этих ценностей только в финале жизни.

Носителями другой жизненной философии в произведениях В. Белова и В. Козько выступают Авенир Козонков и Сидор Мистюк. Суть этой философии выражена в наказе, который получает молодой Сидор от отца: «Прыслужвай усім, а службы толькі сабе,

аслабеюць сёння тыя, хто ў сіле, увойдуць заўтра ў сілу слабыя сёння. Не лезь, хай поедам адно аднаго ядзяць» [1, с. 103]. В некотором смысле, и Мистюк, и Козонков – порождение своей эпохи, приспособленцы нового времени. Можно предположить генетическую близость этих персонажей образам Чичикова из «Мёртвых душ» Н. Гоголя, Лопахина из «Вишнёвого сада» А. Чехова. В переломный социально-исторический период герои утрачивают нравственные ориентиры, оказываются в «перевернутой» системе координат, что порождает двойную мораль, приводит к духовной деградации. При этом герои такого типа как будто сами ощущают свою моральную неполноценность. Чувство собственного достоинства у них напрямую зависимо от чувства превосходства над другими людьми. Воспоминания о «семизарядном огнестрельном» нагане даже в старости вызывают у Авенира гордость и ощущение своей значимости: «Я, понимаешь, считай, с восемнадцатого года на руководящих работах» [2, с. 268]. Сидор Мистюк чувствует себя человеком, упиваясь превосходством над тестем-немецким старостой, к которому в деревне относятся с заслуженным презрением. Сидор же «облагодетельствовал» предателя, женившись на его дочери. Более чем щедрое приданое воспринимается героем как закономерная плата благодетелю: «І ён сапраўдны гаспадар, чалавек... Усё было па-людску, усё па-чалавечы. І ён, Сідар Місцюк – чалавек. І ў гэтай сваёй сапраўднасці ён мог нават дазволіць сабе быць крыху вышэй за цесця, які даў такі шчодры пасаг за сваёю дачкою, так шчодра адарыў яго... Але ўсё ж яму нераўня, стараста нямецкі...» [1, с. 191]. Сидор словно убеждает себя, что он человек, имеет право называться человеком, оправдывается перед самим собой.

Героям, безусловно, есть, в чём оправдываться. Череда предательств, совершенных Сидором и Авениром, их злопамятность и мстительность ломают судьбы окружающих людей, а то и вовсе приводят к гибели: раскулачивают и высылают семью Федулёнка, расстреляны фашистами братья Иван и Михаил Знавцы... И в повести В. Белова, и в романе В. Козько есть эпизоды, свидетельствующие о необратимости и глубине морального падения героев. Так, в период богоборчества Авенир Козонков оказался единственным жителем деревни, кто не погнушался снести колокола с церковной колокольни, да ещё и бравировал этим, справив с обезглавленной колокольни малую нужду. Сидор Мистюк не испытывает пиетета ни к советским вождям (без тени сомнения или сожаления рушит памятник), ни к многовековым устоям и верованиям своего народа. Яблоневый сад имеет в романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» сакральное значение. С локусом сада, погибающего и возрождающегося вновь, связана эсхатология романа. Именно руками Мистюка сад уничтожается в очередной раз. Искупление грехов можно получить через искреннее покаяние, однако покаяния «грешников» в произведениях обоих прозаиков не происходит. Всё без утайки рассказывает о своих «подвигах» Авенир Константину Зорину, но в его

рассказах теплится надежда заработать повышенную пенсию за «прежние заслуги», а не желание исповедаться. Не получается исповеди и у Сидора Мистюка: «Вось і яго цягне, цягне да Мар’яна, быццам смяротна грэшны ён перад ім...» [1, с. 191], – вовремя обрывает он свою опасную откровенность.

Думается, что в контексте анализируемых произведений исповедь и покаяние героев были бы излишними, не соответствующими когнитивным и коммуникативным задачам писателей. Олёша Смолин и Авенир Козонков, Марьян Знавец и Сидор Мистюк – две стороны одной медали, составляющие одного психологического портрета, воплощение амбивалентной сущности национального характера. Потому и подчеркивают прозаики неразрывное единство своих героев, которое не кажется абсурдным, не нарушает психологическую логику повествования: «За столом сидели и мирно беседовали Авенир и Олёша. Не было ни крику, ни шуму» [2, с. 297]; «А што нам дзяліць? Сонца, святло, зямлю. Усё гэта і без таго наша і чужое. Адзін аднаго нам пільнавацца трэба» [1, с. 201].

Таким образом, творчество В. Белова и В. Козько воплощает как общие тенденции развития литературного процесса в советский период, так и специфику национально-культурной парадигмы. В повести «Плотницкие рассказы» и романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» писатели пытаются постичь амбивалентную сущность национального характера, используя приемы внешней и внутренней фокализации, характерные для социально-психологического реализма (В. Белов), и способы мифологической цитации, свойственные параболическому вектору развития белорусской прозы последней трети XX века (В. Козько). Сравнительный ракурс исследования демонстрирует единство социокультурного пространства славянского мира, дополняет картину русско-белорусских литературных взаимосвязей.

Список литературы

1. Козько В.А. Хроніка дзетдомаўскага саду. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. 430 с.
2. Белов В.И. Повести. Москва: Детская литература, 2005. 299 с.

THE AMBIVALENT ESSENCE OF NATIONAL CHARACTER IN V. BELOV'S NOVEL "CARPENTER'S STORIES" AND V. KOZKO'S WORK "CHRONICLE OF AN ORPHANAGE GARDEN"

E.V. Kriklivets

The purpose of the article is to identify ways of artistic representation of national character in V. Belov's novel "Carpenter's Stories" and V. Kozko's work "Chronicle of an Orphanage Garden". The work uses comparative typological and cultural-historical methods. The comparative perspective of the study made it possible to determine the national-mental, aesthetic and individual authorial features of creating a typology of heroes in works of closely related literatures, to form an

idea of the methods of intercultural dialogue of national literatures in the Soviet and post-Soviet cultural space.

Key words: Russian literature, Belarusian literature, realism, modernism, typology of heroes, comparative-typological analysis.

ПЕРЕВОДНЫЕ ПРАКТИКИ ИВАНА БУНИНА («ПРОВАНСАЛЬСКИЕ ПЕРЕСКАЗЫ»)

©О.В. Богданова, Лю Миньцзе

Статья посвящена анализу переводного рассказа Ивана Бунина «Святочный вечер» (1931), вошедшего в цикл «Провансальские пересказы». Исследование предпринято с целью осмыслить роль фольклора в формировании поэтического мира бунинского текста, созданного как перевод (точнее «пересказ») новеллы французского писателя Фредерика Мистрала. Авторы работы выявляют основные причины, которые заставили Бунина обратиться к чужому фольклору, к народному эпосу Прованса, определяют скрытые интенции, двигавшие писателем при создании переводного текста. В результате доказано, что мотивом обращения Бунина к чужому для него фольклору юга Франции стал не смысловой пласт народных записей Ф. Мистрала, а ностальгические чувства, которые будил в душе прозаика фольклор Прованса, способствовавший возрождению в сознании автора и его читателей-эмигрантов воспоминаний о святочных игрищах покинутой родины России.

Ключевые слова: И. Бунин, рассказ «Святочный вечер», цикл «Провансальские пересказы», системагероев, фольклор.

«Святочный вечер» – рассказ из цикла рассказов «Провансальские пересказы», которые представляли собой не оригинальные художественные тексты, а «вольные» перепевы-пересказы фольклорных записей Ф. Мистрала, переведенные и переработанные русским писателем. Избранный для анализа рассказ «Святочный вечер» интересен не только тем, что Бунин опирался на фольклор Прованса, но и тем, с какой целью писатель обратился к этому материалу, как (пере)осмыслял его.

Специалист по старофранцузской литературе и переводчик с французского В.А. Дынник (1931), сравнивая оригинал и переводы, сообщала: «“Святочный вечер” – это в полном смысле пересказ. Бунин не переводит, а именно пересказывает чудесные истории одного из мистралеvских персонажей. Однако при всей своей свободе этот бунинский пересказ... великолепно передает и сюжет, и, главное, дух оригинала» [3, с. 108].

Возникают вопросы: чем привлек И. Бунина «дух оригинала»? Почему писателю были интересны «чудесные истории» французского фольклора? Почему «Святочный вечер» единственный среди шести провансальских рассказов представляет собой «свободный» пересказ? Ответы на эти вопросы позволяют лучше понять неотрефлексированный